

Ключ Давида

Владимир
Органский

Владимир Орданский

Ключ Давида

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2595305

Ключ Давида: «Издать книгу»; 2011

ISBN 978-1-4657-6245-0

Аннотация

Автор продолжает традиции творчества Дэна Брауна и Артуро Переса-Реверте. Культовые фигуры и знаменитые исторические объекты ряда стран Европы и Ближнего Востока раскрываются с неожиданных сторон в процессе остросюжетного расследования попытки теракта экспертом ФБР Джорданом Славски.

Содержание

1. Иерусалим, 10 Июня	4
2. Москва, 11 июня	32
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Владимир Орданский

Ключ Давида

1. Иерусалим, 10 Июня

*И ключ дома Давидова возложу на рамена его;
отворит он, и никто не запрет;
запрет он, и никто не отворит.
(Ис. 22:22)*

Джордана разбудил негромкий, но плотный, мясистый удар поблизости, как будто теннисный мяч отскочил от ракетки. Медленно раскрывая глаза и теряя нить короткого сна, он понял, что это была крупная инжирина, свалившаяся с ветки огромного дерева. Гигантская смоковница нависала над скамьей, защищая от палящего палестинского солнца, но его лучи, горячие, как расплавленное олово, уже проникали между листьями и жалили прямо в голову, мешая собраться с мыслями.

Помотав головой, чтобы окончательно проснуться, он убрал с колен купленный в аэропорту журнал с кроссвордами и взглянул на часы. Священник запаздывал. Небольшая площадь перед церковью, мощенная светло-серым камнем, вся была в синеватых пятнах от раздавленных плодов инжира. Рядом тихо журчал фонтан. Звук льющейся воды,

негромкие голоса людей, говорящих на непонятном языке, шарканье сандалий по булыжнику – все это сливалось в звуковую дорожку, словно написанную неведомым автором с единственной целью – гарантированно усыпить слушателя. Особенно такого, как Джордан, всю прошлую ночь летевшего из Нью-Йорка в Тель-Авив, где у него было на целый день работы с местной полицией, а сегодня ни свет ни заря добравшегося на такси до Иерусалима. Ему достаточно было откинуться на спинку жесткой скамьи под узловатым, будто бы сплетенным из нескольких стволов деревом, чтобы моментально отключиться. Он даже успел увидеть какой-то интересный сон, вот только вспомнить его уже не получалось.

На площади тем временем потихоньку заваривалась утренняя жизнь: парковались машины, у выходящих из них мужчин и женщин пиликали на разные лады мобильники, а под деревом напротив скамьи, где так удобно расположился Джордан, страстно обнималась парочка, не в силах расстаться в этот утренний час.

– Еще есть время! – умоляюще повторяла по-русски поленькая девушка в военной форме, обхватив обеими руками за шею низкорослого конопатого парнишку в очках, тоже одетого в хаки. На коротко остриженных волосах солдатика едва держалась кипа, а винтовки М-16, перекинутые влюбленными за спины, то и дело задевали за булыжник.

Иерусалим... Ему стоило приехать сюда лет пятнадцать тому назад, когда религия была более важной частью его

жизни. Тогда он, наверное, по-другому смотрел бы на древние камни, вековые деревья, на небо, наполненное густой синевой, казалось, готовой вот-вот пролиться на бело-желтый, будто написанный темперой, город. Вряд ли тогда бы он оказался на этой скамейке. Скорее, с утра пораньше, пока не так жарко, он отправился бы по скорбному крестному пути в толпе паломников с горящими верой глазами, любопытных туристов с фотокамерами на потных шеях и равнодушных местных жителей, для которых все эти святыни давно уже стали привычным фоном их незаметной для приезжих, наполненной обычными драмами, мелочами и глупостями повседневной жизни.

Джордан перевел взгляд на церковь. Храм был православный, видимо, греческого толка. Построенный из серовато-желтого камня, он не выглядел очень уж древним. У главного входа высокий мужчина в рясе оживленно беседовал с длинноволосым юношей в мятых шортах и майке с какой-то надписью. Разговор шел на повышенных тонах – оба размахивали руками, а священник то и дело переходил на крик. Говорили вроде по-гречески. Джордан разобрал только два слова: «идиот» и «дьявол» и, улыбнувшись про себя, решил, что спор явно богословский. Наконец парень с досадой махнул рукой, вскочил на стоявший у стены храма скутер и, лихо газанув, умчался прямо по пешеходной тропинке, ведущей на улицу. Священник посмотрел на часы, огляделся по сторонам и, поймав взгляд Джордана, направился прямо к

нему. Джордан поднялся со скамьи и, ступая по скрипящему под ногами гравию, сделал несколько шагов навстречу.

– Здравствуйте. Вы мистер Славски? – с немного виноватой улыбкой спросил священник, протягивая руку. Он тяжело дышал – видимо спор с молодым человеком отнял у него немало сил. – Прошу прощения, заставил вас ждать. Заболел наш дьякон, и нужно было найти замену для сегодняшней службы. Потом племянника пришлось увещевать – вздумал из семинарии уходить... Еще раз извините, я – отец Григориос.

Английский отца Григориоса был вполне приличным, да и сам он выглядел внушительно: рост примерно метр восемьдесят пять, широкие плечи, густая черная борода и миндалевидные темно-карие глаза. Джордан поймал себя на мысли, что он фиксирует приметы, как будто имеет дело с подозреваемым. Наверное, спросонья.

– Добрый день, святой отец. Ничего страшного, я пока немного вздремнул. Джордан Славски, эксперт ФБР. Вы уже знаете, по какому поводу я вас побеспокоил?

– Не совсем. В полиции только сказали, что у одного из моих прихожан какие-то проблемы в Америке.

Джордан кашлянул. В свои тридцать два года он еще чувствовал неловкость, когда приходилось сообщать дурные вести.

– Ну-у, у него, к сожалению, проблем уже нет. Мистер Азиз скончался. Теперь проблемы у нас.

– Камаль Азиз? О, Боже! Ему и двадцати не исполнилось! Он ведь приходил ко мне перед отъездом, говорил, что едет в Штаты изучать информатику. Как же это случилось? – В глазах священника было настоящее горе, как от потери очень близкого человека.

– Самоубийство, святой отец, но при очень странных обстоятельствах. Вы, наверное, знаете, что в США теперь больше внимания уделяется разным радикальным движениям. Так вот, Азиза задержали при получении взрывчатки от очень подозрительных парней. Но пока его везли в полицейской машине, ему удалось проглотить капсулу с ядом.

Перед глазами Джордана встало посиневшее, сведенное судорогой лицо молодого араба с пеной на вывернутых губах, потом вспомнились извлеченные из желудка покойника фрагменты голубой капсулы. На секунду его замутило. Что за кретины везли этого парня в контору!

– Какой ужас! В голове не уместается! – Священник никак не мог смириться с этим известием. – Самый способный и добрый юноша из моего прихода, и взрывчатка, яд... Его родители, да и их родители – очень старый арабский христианский род. Такая порядочная семья... Их все меньше и меньше – исламисты ненавидят православных арабов еще больше, чем евреев, угрожают, нападают. Многие семьи уехали из Иерусалима. А может быть, это ошибка? – Священник с надеждой поднял глаза на собеседника. – Бывает же, что молодой человек случайно попадает в какую-то историю...

– Не в этом случае. Зафиксированы его переговоры с террористами, в мобильнике записано место и время встречи. А в его записной книжке... Собственно, именно об этом я и должен с вами поговорить. Надеюсь, вы понимаете, что это строго конфиденциально.

– Конечно. Полиция меня предупредила. Может быть, пройдем ко мне? Чаем вас угощу, а то вы выглядите усталым.

Несмотря на внешнюю открытость и добродушие, отец Грегориос постоянно ощупывал цепким взглядом лицо собеседника. Он как будто не был еще уверен, друг перед ним или враг. А то, что людей в нашем мире всегда можно разделить по этому принципу, у Джордана Славски давно уже не вызывало сомнений.

* * *

Чай был настоян на каких-то ароматных травах. Джордан сделал глоток. Арабский интерьер церкви, ненавязчивый запах ладана, комнатка, в которой хранились старые иконы и церковная утварь, потускневший серебряный чайничек – все это, как мозаика, складывалось в одну из историй Шехерезады, что-то с джиннами и пери. Очень не хотелось разрушать это волшебство, возвращаясь в мир пластиковой взрывчатки, перехваченных эсэмэсок и полицейских протоколов. Но это был его мир, который сейчас грубо вторгнулся в арабскую сказку, выворачивая ее наизнанку и подчиняя своей логике.

– Отец Григориос, в книжке Камалья есть записи, по которым можно судить о его глубоком увлечении некими религиозными вопросами. Видно, что он проходил какой-то курс, но где и у кого... Я подумал, что вы, возможно, поможете нам разобраться в этом. Не исключено, что это приведет нас к его сообщникам в Израиле или где-то еще. Я узнал, что он посещал вашу церковь, и вот, решил встретиться с вами.

Священник почесал за ухом. У него были большие руки с крепкими узловатыми, как у крестьянина, пальцами. На одном из них поблескивало серебряное кольцо.

– Я не совсем понимаю... Вы же сказали, что его сообщники в Штатах, и они вам известны. При чем же здесь религия?

– Дело в том, что Азиз пробыл в Америке всего около месяца. Вряд ли он за это время сам, без посторонней помощи, обзавелся такими связями. Все, что у нас есть – это его тетради. Поэтому я спрашиваю вас: не упоминал ли когда-нибудь Камаль Азиз о каких-то иных своих взглядах, противоречащих ортодоксальному христианству?

Отец Григориос поставил чашечку на потемневший от времени грубый деревянный стол.

– Что вы имеете в виду? Джордан достал ноутбук.

– Вот фрагменты из его записей. «Ибо должно погибнуть этому миру и Земля должна очиститься от него огнем Господним, прежде нежели наступит день Господень».

– Но это всего лишь цитата из Евангелия от Матфея!

Дальше там говорится о тысячелетнем царстве Христовом.

– А вот у Азиза дальше идут описания вполне современных взрывных устройств. Послушайте еще: «Так говорит Святой, Истинный, Тот, кто имеет ключ Давида, Тот, кто открывает – и никто не запрёт, и кто запирает – и никто не открывает». Что это значит?

Священник пожал плечами.

– Не думал, что Камаль так вникает в Священное писание. Ну, это из Откровения Иоанна, то есть из Апокалипсиса. Иисус говорит, что у него ключ Давида, которым можно открыть или закрыть врата Иерусалима. В переносном смысле, это право впустить кого-то в Царствие небесное или не впустить. Но это просто цитаты из Нового Завета.

Джордан кивнул, сделав глоток.

– Дело в том, что все эти цитаты и комментарии к ним в книжке Азиза выглядят, как конспект какой-то лекции. Поэтому мне и пришла в голову мысль, что он где-то обучался. Вот самая непонятная запись: «Брат да следует брату, и царство их чередуется. Ибо сказал брат брату: следуй за мной». Я пытался прогнать это через поисковые системы, но так ничего и не определил. Может быть, наш перевод с арабского не слишком точен? Мне, собственно, важно не само значение этих слов, а то, к каким связям Азиза они могли бы нас привести.

Дверные петли скрипнули, и в комнату заглянул худощавый немолодой араб с пучком свечей в руке. Увидев Джор-

дана, он испуганно отшатнулся и быстро закрыл дверь.

– Это, действительно, непонятный кусок, – озадаченно пробормотал священник. – И я никогда не слышал от Камаля ничего подобного. Он всегда больше интересовался компьютерами, чем Библией. Знаете, есть предложение: сейчас мне уже нужно готовиться к службе, но вечером мы можем встретиться с одним моим приятелем. Он преподает историю религии здесь в университете, общается со студентами, знает, чем молодежь дышит. Может быть, подскажет, что это за движение или секта.

– Хорошо, святой отец, но не говорите ему ничего об истории с террористами.

– Я скажу ему, что вам нужна помощь, а уж вы говорите, что хотите, – нахмурившись, ответил отец Грегориос. – Вы знаете, где находится Масличная гора?

– Приблизительно, но я найду дорогу.

– Тогда встречаемся в восемь часов в Гефсимании у входа в Церковь всех наций. – священник приложил руку к голове, будто пытаясь вспомнить что-то важное. – Да, вот что: мне казалось, Камаль уехал в Штаты не месяц назад, а гораздо раньше.

* * *

Кондиционеры в полицейском управлении работали прекрасно, и Джордан с облегчением вздохнул, расположив-

шись в кабинете капитана Омира. Полноватый офицер, тем не менее, то и дело вытирал пот со лба. Похоже, участие гражданина Израиля в международной террористической организации сильно портило настроение его начальству. Секретарша в светлой форменной одежде внесла поднос с графином холодного апельсинового сока и бокалами.

– Так во что вляпался у вас в Штатах этот наш парень? – с ходу начал капитан.

Джордан отпил немного соку.

– Мы следили за одной подозрительной группой, действовавшей под видом исторического кружка. Они как бы изучали историю германского нацизма. Однажды мы получили информацию, что эти ребята интересуются взрывчаткой. Их попытались взять во время передачи подозрительного пакета вблизи железнодорожной станции в Нью-Йорке, но они начали стрелять. Короче, погиб один из наших людей и двое из них, в том числе лидер группы. Нам удалось захватить двоих, в том числе парня, которому передавали пластит. Это и был Камаль Азиз. К сожалению, он покончил с собой раньше, чем его успели допросить. А нацист, которого задержали, не знал, кому они передают взрывчатку. У этих ребят здорово налажена конспирация, в курсе обычно только командир, а он убит. Похоже, что мы имеем дело с двумя разными группировками, которые пытаются провести какую-то акцию вместе.

– Вот это да, – покачал головой капитан. – Кому-то у вас

должно было здорово влететь. Теперь слушай меня. Все оказалось немного сложнее, чем мы считали вначале. Камаль Азиз не был связан с палестинцами или Хезболлой. По крайней мере, наши информаторы этого не подтверждают, а у нас хорошие информаторы. Ты не подумай, что мы хотим как-то отпихнуть от себя это дело, но мы кое-что выяснили. – Капитан еще раз промокнул лоб бумажной салфеткой. Его коротко стриженные густые черные волосы блестели от капелек пота. – Вот досье Азиза, подготовили тебе в переводе на английский. – Короткие волосатые пальцы офицера пролистали документы, сшитые в зеленую пластиковую папку. – Самое важное здесь то, где он провел пять месяцев, прежде чем отправиться в Штаты. В России.

– В России? – Джордан не мог скрыть удивления. – В его паспорте не было российской визы.

– У нас с русскими теперь безвизовый режим. – Омир отхлебнул сок из бокала.

– Но должен быть штамп о пересечении границы.

– Здесь есть копия его паспорта. Он получил новый паспорт сразу после возвращения из Москвы. Написал заявление об утере старого. Вот тут перевод. И уже с этим новым документом отправился в Америку.

– Ну, хорошо. А что он делал в России, с кем общался, вам, конечно, неизвестно?

Полицейский развел руками. – Это уже не наши проблемы. Я же говорю, все посложнее. Так что ищите у себя парня

с русским языком и посылайте в Москву.

Джордан помолчал, держа в руке бокал с соком. Холодное стекло приятно остужало пальцы. – Я и есть парень с русским языком, – озадаченно проговорил он.

– Ну, тогда тебе и карты в руки, – повеселел израильтянин, – согласуй со своим боссом и вперед!

С этим напутствием и зеленой папкой Джордан отправился к себе в «Хайятт». В отеле было пусто. Взяв ключ от номера, он поднялся в лифте на третий этаж. Поливавшая цветы в коридоре темнокожая девушка приветливо улыбнулась ему. Войдя в номер, он постоял с полминуты у зеркала, отсутствующе глядя на отражение. На него смотрел высокий, атлетически сложенный мужчина в белых брюках и рубашке, немного моложе своих лет. Картинка, в общем, радовала, за исключением поломанного носа. Слегка выющиеся волосы слиплись от жары, а в серых глазах явно читалась озабоченность. Бросив папку на стол, Джордан достал из кармана телефон с защищенной линией связи. Нужно было докладывать о результатах расследования, а его босс Рой Хантер любил четкие формулировки и однозначные выводы. Джордан набрал номер.

– Привет, Славски, – Рой хрипел еще больше, чем обычно: его голос искажала мощная шифровальная программа. – Ну, что там с этим арабом?

– Похоже, мы не там ищем, Рой. Местная полиция ничего на него не имеет, ни подозрительных связей, ни приводов.

– И где же ты предлагаешь искать?

– Там, где он был почти полгода до приезда в Нью-Йорк.

В России.

Рой, похоже, был огорошен. Молчание длилось очень долго, и Джордан уже решил, что связь оборвалась. Но в трубке вновь послышалось сиплое дыхание босса.

– Слушай, это вообще меняет всю картину. Если это не палестинцы, а русские, значит, у нас здесь появляется чертова уйма совершенно другой работы.

– Рой, у меня сегодня еще одна встреча. Может быть, мне подскажут, в какой среде искать его сообщников.

Рой откашлялся. Похоже, его очередная попытка бросить курить бесславно провалилась.

– Знаешь, Славски, мой тебе совет: не забивай голову лишними версиями. Я доложу наверх, чтобы связались с парнями в Москве, а у них там с информацией дело поставлено. Так что давай, освежай свой русский, он тебе скоро пригодится.

– Ты что, хочешь отправить меня в Москву прямо отсюда? – обреченно вздохнул Джордан.

– Времени слишком мало для езды туда-сюда. – Было заметно, что Рой уже слегка раздражен. – От меня требуют информацию по этой группировке – цели, сроки, связи. А у меня нет ничего. Так что на тебя вся надежда.

Прозвучал сигнал отбоя, и Джордан понял, что пропустит не только день рождения матери, но и, скорее всего, следу-

ющий уикенд, который они с двоюродным братом и двумя девушками решили провести на реке Делавер в Нью Джерси. Рафтинг и прочая романтика на свежем воздухе откладывались на неопределенный срок.

* * *

Вечерний Иерусалим наполнялся народом. Люди выходили из домов, оживленно беседуя, в воздухе появился дух праздника. Темнело, становилось прохладнее. По освещенным улицам сновали такси. Из ресторанчиков выносили еще больше столов и стульев, пахло жареным мясом и восточными пряностями. Высокий чернокожий парень, улыбаясь, протянул Джордану листовку с рекламой какого-то кафе. Играла музыка, открывались книжные лавки. Джордан поравнялся с шумным семейством, только что выплеснувшимся на улицу из подъезда обшарпанного четырехэтажного дома.

«Высокая худая женщина в платье с длинными рукавами, плотный мужчина пониже ростом в костюме и слегка помятой шляпе и трое детей от пяти до восьми лет», – механически отметил про себя Джордан. Он никак не мог избавиться от привычки составлять описания случайных прохожих – во время тренинга, который он проходил в начале своей службы в ФБР, это было ежедневным заданием. Между тем, дети с криком понеслись вприпрыжку по тротуару, а мужчина, обращаясь к вертевшей головой по сторонам жене, громко

заговорил по-русски с характерным местечковым акцентом:

– Давайте уже найдем какой-нибудь кошерный ресторанчик и таки поужинаем!

Рядом на площади торговцы торопливо разворачивали сувенирную ярмарку. Туристы, переговариваясь на разных языках, уже толпились у прилавков с менорами, распятиями и свечами. Город будто едва проснулся после знойного дня, и его настоящая жизнь начиналась именно сейчас. Взглянув на часы, Джордан решил взять такси, чтобы не опоздать на встречу. Не успел он взмахнуть рукой, как рядом мгновенно притормозила желтая мазда.

Неразговорчивый бородатый таксист быстро свернул с запыленной машинами улицы. Теперь они ехали по узким улочкам среди старых домов, и атмосфера праздника испарялась на глазах. Пока водитель ждал зеленого света на перекрестке, Джордан наблюдал за бедно одетой старушкой, которая, опираясь на палку, медленно передвигалась вдоль прилавков захудалого блошиного рынка. Поравнявшись с продавцом, она, что-то бормоча, протягивала руку. Продавец подавал старухе монетку, и она, кланяясь, брела дальше. Таксист нажал на газ.

Не прошло и двадцати минут, как Джордан оказался у Церкви всех наций. До восьми еще было время, и он вошел внутрь. Сразу же ему бросился в глаза большой камень, у которого Христос молился здесь, в Гефсиманском саду, перед арестом. Камень окружала железная решетка в форме терно-

вого венца, а в его острых шипах бились две белые каменные горлицы, пытаясь вырваться из смертельной ловушки. Над алтарем смотрело со стены мозаичное изображение Христа. На Его лице застыло выражение скорби и отчаяния. Увиденное вдруг воскресило, казалось бы, давно забытую картинку из детства: дед при свете настольной лампы читал ему по-русски Евангелие. Маленький Джордан, которого дед упорно называл Георгием, до слез переживал, когда апостолы засыпали после тайной вечери, и Иисус оставался один, наедине со своими мыслями и страхами. «Что они, не могли, что ли, не поспать одну ночь?», – перебивал он деда. Сейчас, стоя у священной скалы, он живо вспомнил это чувство приближения чего-то неизбежного и непоправимого.

Джордан вышел из храма. Быстро сгущавшиеся сумерки, старинные надгробья ниже по склону горы, глухая каменная стена старого города по ту сторону долины, все это не давало ему избавиться от неясного и недоброго предчувствия. Он приложил ладонь к тысячелетней оливе, по преданию, еще помнившей Христа. Прикосновение к теплой коре, напоминавшей морщинистую кожу древнего старца, вдруг мгновенно успокоило Джордана, как будто на его сторону в предстоящей схватке встали какие-то могучие и непобедимые силы.

– Мистер Славски? – Джордан резко обернулся. Прямо перед ним, широко улыбаясь, стоял невысокий полный лысоватый мужчина в клетчатой рубашке. На вид ему было лет сорок пять. В руке у мужчины был очень толстый потертый

кожаный портфель. – Я профессор Крамер, друг отца Грегориоса. Он запаздывает, впрочем, как всегда.

Они пожали друг другу руки.

– Вижу, вы заинтересовались старым кладбищем, – опять улыбнулся профессор. – Знаете, сколько готовы заплатить набожные евреи за то, чтобы их похоронили именно здесь? Сотни тысяч долларов! Эти чудаки убеждены, что перед концом света на Масличной горе появится Мессия, и именно те, кто похоронен здесь, первыми воскреснут и увидят его. – Крамер показал рукой в сторону городской стены. – А вот это – Золотые ворота.

Джордан перевел взгляд туда, куда указывала рука ученого. Двойной проем в каменной стене, окружавшей старый город, был заделан серовато-желтым камнем.

– Выглядят не очень впечатляюще, – заметил он.

– Сейчас да, – согласился Крамер. – Все же они были построены тысячу триста лет тому назад, а первые ворота, по преданию, воздвиг Нехемия во времена вавилонского плена, то есть, в V веке до нашей эры. Помните эту историю из Ветхого завета? На меня она, помню, произвела сильное впечатление. Представьте: Нехемия, плененный еврей, сделал карьеру при дворе вавилонского царя Артаксеркса. Он был царским виночерпием. А это не просто слуга, которого посылают в погреб за бутылкой. Виночерпий – доверенное лицо. Он присутствует при застольях, на которых царь в неофициальной обстановке общается с приближенными,

решает государственные вопросы с другими монархами, обсуждает свои семейные дела. Понятно, что такая должность кому попало не давалась. И вот человек, у которого, казалось бы, жизнь устроена, дети и внуки обеспечены, вдруг узнает, что его родной Иерусалим находится в жалком состоянии, стены его сожжены и ворота разрушены. Он приходит к царю и просит отпустить его в Иудею, чтобы отстроить городские стены священного города. Царь отпускает его, и дальше начинаются опасности, интриги, клевета... Именно стремление восстановить стены и ворота Иерусалима вызывает злобу и ненависть окружающих город языческих племен, так что они сговариваются напасть на иудейскую столицу и окончательно уничтожить ее.

Нехемия пишет: «С того дня половина молодых людей у меня занималась работой, а другая половина их держала копья, щиты, и луки. Строившие стену одной рукой производили работу, а другой держали копье». Я цитирую по памяти. Когда нападение не удастся, царю строчат донос, будто Нехемия строит крепостную стену, чтобы отделиться от Вавилона и стать царем иудейским.

Наконец, работы закончены. Нехемия перечисляет всех, кто восстанавливал стену, и называет все вновь выстроенные ворота. Правда, Золотых в его перечне нет. Видимо, это название появилось позже. Но несомненно то, что Нехемия старался в точности воссоздать облик Иерусалима ради того, чтобы великая миссия этого города могла исполниться. И

действительно, в будущем эти ворота стали парадным въездом в Иерусалим. Они вели к храму, где Спаситель и должен был возвестить о конце старого мира и начале нового. Поэтому турки, захватив город пятьсот лет тому назад, на всякий случай заложили Золотые ворота камнями и устроили перед ними мусульманское кладбище. Они же знали, что еврейский Мессия не имеет права ступить на кладбищенскую землю.

– Но ведь Иисус прошел именно через эти ворота, или я ошибаюсь? – спросил Джордан. Его собеседник кивнул головой.

– Значит, пророчество уже исполнилось?

– Ну, иудеи и мусульмане так не считают, – с улыбкой ответил профессор. – Мало ли кто тут проходил. Да и конца света тогда не случилось. Вообще-то, в Библии, в книге Иезекииля, сказано, что после того, как Мессия проедет через Золотые ворота на белом осле, их разрушат и заменят другими. Поэтому-то в Константинополе... О, вот и Грег, извините, отец Григориос.

К ним торопливой походкой приближался священник. Теперь он был в обычных серых брюках и тенниске. – Прощу меня простить, посещал прихожан, у которых случилось большое несчастье, сын погиб... Впрочем, вы в курсе... – Отец Григориос смутился. – Ну, я вижу, вы уже познакомились.

– Да, и профессор рассказал мне много интересного о Зо-

лотых воротах и связанных с ними историях, – поспешил развить тему Джордан.

– Ну что ж, давайте разместимся поудобнее и займемся теперь вашими историями, – предложил Крамер. Они прошли по аллее и оказались на смотровой площадке, с которой открывался прекрасный вид на Храмовую гору с ее мусульманскими святынями. В последних закатных лучах поблескивал золотом, как отражение солнца на земле, купол мечети Омара.

– Я уже тебе говорил, Гидеон, – начал священник, опершись на каменный парапет, – мистера Славски интересуют религиозные молодежные группы, так сказать, нетрадиционные.

– Точнее, одна группа, – поправил его Джордан. – Давайте без умолчаний. Я полицейский, и расследую дело, в котором замешан молодой человек, израильтянин, явно входящий в какое-то радикальное общество. Мне бы хотелось понять, есть ли у него единомышленники в Израиле, и что они собой представляют. Вот его записи в переводе на английский, но есть и арабский оригинал.

– Нет-нет, давайте подлинник, – протянул руку профессор. – Я свободно читаю по-арабски, а в таких делах на перевод, да еще к тому же полицейский, полагаться не стоит. Прошу прощения, не хотел вас обидеть.

– Нет проблем, – улыбнулся Джордан, открывая нужный файл.

Гидеон водрузил на массивный нос золотые очки и, шевеля губами, углубился в изучение фотокопий тетрадки Азиза. Глядя на него, Джордан подумал, что тоже мог бы стать таким профессором истории, если бы не пошел в армию после университета. Не зря его дипломную работу высоко оценили в историческом обществе. Он серьезно думал о науке, когда произошло несчастье с отцом. До этого Джордан толком не знал, чем занимается отец, да и не слишком интересовался этим. Служит в военном ведомстве – так он отвечал друзьям, если те спрашивали. Когда произошел знаменитый скандал с высокопоставленным сотрудником разведки, который, как оказалось, много лет работал на русских, и отца уволили из ЦРУ, Джордан узнал, где именно тот служил. Нет, отца не считали шпионом, просто уволили вместе со всеми остальными, кто отвечал за кадровые вопросы.

Поначалу отец не подавал виду, что расстроен – ему дали приличную пенсию, и в деньгах семья не нуждалась. Он начал возиться в саду, потом вдруг бросил это занятие и засел у себя в кабинете с подшивками старых журналов. Джордан с матерью стали замечать неладное только тогда, когда отец уже всю разговаривал сам с собой, по ночам сидел один на кухне, мерно качая головой, как китайский болванчик, и, бывало, пугал всех за обедом, вдруг выкрикивая ругательства неизвестно в чей адрес. Младший брат и сестра были в то время еще слишком малы, чтобы понять, что происходит.

С тех пор отец подолгу лежал в разных клиниках, воз-

вращался оттуда то мрачным и молчаливым, то, наоборот, необычно веселым, общительным и полным странных идей, а через месяц-два все начиналось сначала. Все это сильно повлияло на Джордана. Он потерял интерес к науке, и ему постоянно хотелось куда-нибудь уехать из дому. Еще он стал видеть странные сны. Поговорив обо всем с матерью, он заключил контракт с бородатым дядюшкой в звездно-полосатом цилиндре и, пройдя соответствующую подготовку, довольно скоро оказался в частях спецназа, отправлявшихся в Афганистан.

Тряхнув головой, словно отгоняя подальше неприятные воспоминания, Джордан спросил у отца Грегориоса о церкви, у которой была назначена встреча.

– На самом деле она называется Базиликой агонии или Гефсиманской молитвы, – охотно поддержал разговор священник, – но так как средства на ее роспись и убранство собирали католики из разных стран, то ее обычно зовут Церковью всех наций. Вы, конечно, обратили внимание на решетку, напоминающую терновый венец? Вот ее сделали на деньги верующих из Австралии.

Рассказ священнослужителя прервал Гидеон.

– Очень интересные записи. Боюсь, что мы с вами имеем дело с действительно опасной и агрессивной сектой фанатиков, – на лице профессора было искреннее беспокойство. – Я, признаюсь, еще не встречал такого причудливого сочетания: явно сатанистские идеи здесь подкрепляются цитатами

из Библии. Возьмите хоть это: «Отец наш – дух прогресса, свободы и цивилизации, ангел, несущий свет». Первая часть предложения взята из «Сатанинской библии», а вторая перефразирует апостола Павла, когда тот говорит, что Сатана может преображаться в ангела света.

– Вы уверены, профессор? – пожал плечами Джордан. – С виду фраза вполне безобидная.

– Поверьте уж мне, молодой человек, я знаю, что говорю, – парировал ученый. – Это сатано-фашистская группа, но не здешняя. Такие идеи среди молодых радикалов распространены в Европе – Россия, Польша, Германия, Британия.

– Ты назвал Россию первой. Почему? – поинтересовался отец Грегориос.

– Мне кажется, эти лекции переведены с русского. Помнишь того молодого настоятеля из Москвы, он приезжал в прошлом году на конференцию по нетрадиционным конфессиям? Как его звали?

– Отец Димитрий, кажется, – припомнил священник.

– Да-да. Именно он говорил мне об этих общинах в Москве, Сибири и где-то там еще. Как раз такая аргументация есть в их учении. Вот здесь говорится о двух братьях и о том, что их царство должно чередоваться.

– Да, мистер Славски тоже обратил внимание на этот кусок, но я не знаю, что это значит.

– Это еще один намек, что источник русский. Помнишь, когда в Евангелии Христа искушает дьявол, что Он отвечает

нечистому?

– Он говорит: «Отойди от Меня, сатана». И причем здесь это?

– Притом, что ты как грек должен бы знать, что в греческом тексте, а затем и в церковнославянском ответ звучал совсем по-другому.

– И как же?

– «Гамизо ми, сатан», то есть «Следуй за Мной, сатана». А уж составители латинской Библии потом это переделали. Слишком странно звучало предложение Иисуса дьяволу стать его последователем.

– А что насчет этих братьев – кто они? – заскучавший Джордан решил вмешаться в богословский диспут.

– С точки зрения вашего, э-э, Азиза все те же. – Крамер хитро прищурился, наморщив нос, и поправил очки. – Вспомните из Библии, книга Иова: «И был день, когда пришли сыны Божий предстать пред Господа: между ними пришел и сатана». Здесь сатана прямо называется сыном Божьим. Как Иисус.

Услышав такое, отец Григориос протестующее всплеснул руками и уже собрался что-то возразить, но профессора трудно было сбить с мысли.

– Вот вам и «брат следует брату», продолжал он. – Что же касается чередования царств, то здесь можно только предполагать. Возможно, они ждут наступления царства Антихриста.

– Или уже дождались, – мрачно заметил Джордан. – Что ж, огромное вам спасибо, профессор. И вам, святой отец.

– За что? – удивился грек.

– Для меня очень важно, что подтверждается русский след. Профессор, скажите, у вас не осталось телефона этого русского священника? Мне, видимо, предстоит поездка в Москву, и он мог бы нам здорово помочь.

– Да, конечно, у меня есть его карточка. – Крамер начал рыться в своем портфеле, перебирая заполнявшие его кипы бумаг. – Я с ним еще потом долго переписывался. Очень интересный человек, хотя и упрямый. Он одержим миссионерством, пытается вернуть в православие всяких сектантов, оккультистов ... А, вот она, держите.

В руке у Джордана оказалась скромно напечатанная визитная карточка с православным крестом в углу. – «О. Дмитрий Силин, – прочитал он по-русски, – настоятель Храма Св. Варфоломея».

Распрощавшись с ученым и священнослужителем, Джордан направился к стоянке такси. На полпути он оглянулся. В сгустившейся темноте были видны лишь два силуэта, высокий и низкий. Фары подъехавшей машины осветили лица двух друзей, блеснули очки профессора. Джордан помахал рукой. Оба, как по команде, кивнули в ответ. Он не мог видеть их глаз, но почему-то ему показалось, что они провожали его с тревогой и сочувствием.

В аэропорту Бен-Гурион как всегда яблоку негде было упасть. Толпы туристов и паломников регистрировали билеты, сдавали багаж, бродили по магазинам. Вспомнив совет Роя, данный час тому назад по телефону, когда они оговаривали детали поездки, Джордан прикупил литровую бутылку израильской водки. «Русским это понравится: во-первых, ты приехал не с пустыми руками, а во-вторых, у них будет повод сказать тебе, что их „Столичная“ лучше».

Зарегистрировавшись, он уже двинулся на посадку, но не тут-то было. Как из-под земли выросли бравые парни и девчонки из местной службы безопасности и взялись перетряхивать ручную кладь. Джордан обреченно вздохнул. Конечно, и в Штатах теперь досматривают строже, но израильтяне превосходили все мыслимые пределы. Увидев его недовольную мину, худенькая девушка-контролер заученно отрапортовала:

– Сэр, мы находимся в состоянии войны, и обязаны принять все меры предосторожности.

Впрочем, к нему с его американским паспортом отнеслись довольно благосклонно, а вот местным и российским пассажирам пришлось попотеть, отвечая на вопросы типа: «Кто укладывал ваш багаж?» или «Не передавали ли с вами какие-нибудь письма?». Джордан даже помог одному из попут-

чиков разобраться с плохо говорящим по-русски сотрудником.

– Иосиф, – представился пассажир, вытирая пот смятым носовым платком, когда они шли к самолету. Услышав в ответ имя собеседника, Иосиф заинтересовался его биографией.

– Такты, значит, из тех еще. Я и слышу, акцент какой-то... Первая волна, значит, белогвардейщина. И что в Россию – по делу или ностальгия замучила? – Иосиф говорил так, что нельзя было понять, серьезно он спрашивает или с подковыркой. Джордан в ответ вкратце изложил легенду о научной конференции.

– А я вот мотаюсь туда и обратно чуть не каждую неделю. Пытаюсь бизнес наладить – туризм, лечение, детские лагеря... – Тучный Иосиф тяжело дышал, постоянно утирая пот со лба. – Думал – визы отменили, теперь народ попрет, да не очень пока получается. Кризис, денег мало у людей. А я-то вложил, ну и кручусь, чтобы хоть долги отдать. Я тебе в самолете визиток своих дам, может, русские из Америки заинтересуются.

Новый знакомый не замолкал и в воздухе. Быстро поменявшись местами с пожилой дамой, он подсел к Джордану и продолжил свой монолог о трудной судьбе иммигранта. Был, правда, короткий перерыв на обед, когда его спутник ожесточенно расправлялся с эль-алевским пайком, издавая совсем уже нечленораздельные стоны, то ли наслаждения,

то ли отвращения. Чтобы немного сосредоточиться на своих делах, Джордану пришлось прикрыть глаза и изобразить глубокий сон. На самом деле, он собирался во время полета хорошенько поработать над припасенным сборником sudoku, но, как любил повторять его русский дед, видно, не судьба...

2. Москва, 11 июня

*Господь за меня-не утраишь:
что сделает мне человек?*

*Господь мне помощник:
буду смотреть на врагов моих.*

Псалом 117 (6,7)

В Шереметьеве все было совсем не так, как тогда, почти двадцать пять лет тому назад, когда восьмилетний Джордан Славски, вцепившись в руку деда, спустился с трапа самолета. Западная реклама, много иностранцев, шикарные магазины дьюти-фри. В общем, сейчас это был вполне приличный аэропорт, напоминавший Уилл Роджерс в Оклахоме, названный в честь знаменитого ковбоя. В Шереметьеве имя напоминало о не менее знаменитом графе, но особого аристократизма не замечалось.

В Москве было жарко. Может быть, не так, как в Израиле, но зато в самом воздухе чувствовался отчетливый запах гари, немного раздражавший носоглотку. Помахав на прощание Иосифу, который не на жизнь, а на смерть бился с наглыми носильщиками за багажную тележку, Джордан в душе порадовался, что у него из багажа был только кейс с ноутбуком и спортивная сумка. Как и было договорено, у табло его ждали. Мужчина лет тридцати пяти довольно крепкого телосложения, в светлом льняном костюме и солнечных очках,

жевал жвачку, держа в руке бумажную табличку с надписью «JORDAN SLAVSKY».

– Привет деятелям американской науки, – весело поздоровался мужчина. – Я Валерий, ваш куратор. Или, слушай, давай сразу на ты, я вижу, ты парень нормальный. По-русски-то не забыл, переводчик не нужен?

– Нет, – улыбнулся Джордан. – Полагаю, что справлюсь.

– Ну, вот и славно, зачем нам лишние глаза и уши, да? – хлопнул его по плечу фээсбэшник. Выйдя из здания аэропорта, они сели в быстро подкатившую серую машину. Джордан не разглядел в какую, но автомобиль неуловимо напоминал какую-то американскую марку.

– Да «Волга» это новая, – заметив интерес гостя, объяснил Валерий. – С «Крайслером» совместно сотворили.

Молчаливый рыжеволосый водитель, около двух метров ростом и пошире Валерия в плечах, но с таким же добродушным выражением на лице, вырулил с территории аэропорта, и машина, резко прибавив скорость, понеслась по полупустому шоссе. Над дорогой висела какая-то сероватая дымка, похожая на туман, а в приоткрытое окно доносился неприятный запах гари, все больше щипавшей горло.

– Познакомься, это Игорек, мой коллега, – Валерий повел рукой в сторону водителя. – Будем вместе работать.

Игорек, чуть обернувшись, кивнул головой. Он немного напоминал медведя из русских сказок – огромного, опасного, но доброго.

– Приятно познакомиться, – вежливо произнес Джордан, кашлянув в носовой платок.

Игорь прикрыл окно и включил кондиционер. Какое-то время они ехали молча. Тишину нарушало лишь жужжание здоровенной мухи, летавшей по салону в поисках выхода из ловушки и тщетно бившейся во все стекла по очереди.

Чем больше они приближались к центру города, тем плотнее становилось движение. Джордан вначале пытался увидеть через окно машины что-то знакомое по своей первой детской поездке в Москву, но скоро оставил эти попытки. Город был слишком большим, а он был здесь слишком давно.

– Я что предлагаю, – начал Валерий. – Поехали сразу в Управление, пока генерал на месте. Доложимся, проведем совещание, а потом уже в гостиницу. Или ты устал с дороги?

– Нет-нет, никаких проблем, – согласился американец. – Чем раньше мы приступим к делу, милостивые государи, тем лучше.

Оба русских дружно расхохотались.

– Извините, что-то не так? – смутился Джордан.

– Да, нет, все нормально, – отозвался Игорь. – Просто государями нас еще не называли. Мы же все больше товарищи, камрады, значит. Вот если ты генерала нашего как-нибудь так назовешь, это будет нормально, вроде как международное сотрудничество, и так далее. А между собой мы Иванычи да Михалычи.

Игорек оказался не таким уж молчаливым. Всю дорогу до

Управления он рассказывал истории из своей службы в горячих точках, больше напоминавшие сюжеты фильмов о Рэмбо. Валерий только иронически улыбался и хмыкал. Игорь легко прорывался через вполне серьезные пробки, не уступая лихостью остальным московским водителям. Он несся по встречной, проезжал под знаки, находил только ему ведомые пути через дворы, заставлял открывать какие-то шлагбаумы... Пару раз их пытались остановить «дорожные полицейские», но высунутая в окно рука Валерия с раскрытой красной книжечкой заставляла их отступить.

– Ну, все, приехали, – неожиданно прервал он красочный рассказ Игоря о младшей жене афганского губернатора. Они подъехали к знаменитой на весь мир цитадели русских спецслужб – громадному дому на Лубянке. Джордан вдруг вспомнил, как в первый свой приезд в Москву много лет назад они с дедом вышли из «Детского мира» с большущим плюшевым медведем и дед повел его на эту площадь, только тогда на ней еще возвышался памятник. Дед молчал, а Джордан нетерпеливо дергал его за руку, заглядывая в глаза. Он не понимал, почему они стоят на одном месте так долго и почему на глазах деда слезы, а его всегда добрый взгляд вдруг стал жестким и чужим. Потом дед глухо и невнятно, будто что-то сдавливало ему горло, сказал:

– Запомни это место. Реки русской крови здесь пролились.

Конечно, ничего он тогда не запомнил. Но откуда тогда

всплыла эта картинка сейчас, так ясно и четко, что он ощутил даже запах дедова табака, который тот долго разминал в своей трубке, прежде чем прикурить? Теперь ему предстояло войти туда, и он весь сжался внутри, как будто в эту минуту предавал своих замученных чекистами прадеда и прабабушку. С некоторым усилием он вернулся к реальности. Дальше Джордан чувствовал себя уже в роли персонажа дешевого голливудского боевика о КГБ. Пропуска, часовые навязку, коридоры, ковры, люстры – весь этот растиражированный набор штампов, оказывается, до сих пор существовал на самом деле.

Генерал принял их незамедлительно, прервав ради этого совещание. Джордан с интересом смотрел на людей, покидавших высокий кабинет. Все они были в гражданской одежде, с портфелями и папками. В этих мужчинах, средних лет и совсем молодых, не было ничего от зловещего образа коварных советских тайных агентов. В общем, они вполне могли бы сойти за нью-йоркских коллег Джордана, только костюмы у русских были получше, и еще среди них не было ни одной женщины.

Кабинет генерала уже не напоминал интерьеры из «Парка Горького». Минималистский дизайн, два компьютера, большой экран для конференций на стене – все очень удобно и со вкусом. Портрет улыбающегося молодого русского президента в золоченой раме только добавлял динамизма и современности.

Генерал Васильев, однако, выглядел именно так, как чекисты в западных фильмах, разве только без идиотской бородки. Ему было слегка за пятьдесят. В пристальном взгляде голубых навывкате глаз читалась уверенность человека, знающего себе цену. При появлении иностранного гостя на красном лице генерала появилась широкая улыбка. Пригладив обильно седеющие волосы и с трудом произнеся «Хау ду ю ду», он перешел на русский.

– С языком, как говорится, беда, но учим, учим. Ну, с Валерий Михалычем и Игорь Ивановыч вы уже познакомились, они и будут вас вести, то есть, э-э, оказывать содействие. Все вопросы решайте с ними, но если что, звоните мне. – Генерал толкнул пальцем карточку по гладкому блестящему столу из красного дерева. – Дело, как я понял, важное, раз ваши на нас вышли аж на таком уровне. – Генерал многозначительно показал пальцем вверх, при этом в глазах его появилась какая-то озабоченность. Джордан машинально поднял голову, но не увидел там ничего, кроме датчиков задымления. Тем не менее, напрашивалась ответная речь. Он четко, по-военному отрапортовал:

– От имени моего руководства премного благодарю вас, ваше превосходительство, за предоставленную помощь. – Краем глаза он заметил, как Игорь одобрительно кивнул Валерию.

– Ну-у, – заулыбался генерал, – благодарить, так сказать, еще рано. Давайте пока за знакомство и займемся, как гово-

рится, делом.

Покрутив колесико на дверце сейфа, Васильев вынул оттуда початую бутылку французского коньяка. Повинуясь его жесту, Валерий достал из стеклянного шкафа четыре рюмки. Все уселись вокруг стола. Генерал сам разлил коньяк.

– Давайте, чтобы был успех, и, как говорится, за здоровье.

Чокнувшись по русскому обычаю, они выпили. Генерал пил коньяк, как водку, залпом. Игорь с Валерием не отставали. Джордан, пригубив, поставил рюмку на стол.

– Да-а... – Генерал закусил ломтиком лимона. Глаза его стали влажными. – Не думал, не гадал, что доведется работать с потомком, так сказать, белогвардейцев. Ну, что ж, все мы люди русские, и врагу нас нынче, как говорится, общий. – Достав из пачки сигарету, генерал щелкнул золотой зажигалкой. Пальцы его слегка дрожали. Чувствовалось, что эта рюмка коньяка сегодня была у него уже не первой. – Ты... как тебя? Жордан? В общем, Жора по-нашему... Ты, Жора, одно запомни: у нас никакой самодеятельности. А то мне на тебя сводку дали – инициативный, мол, способен, так сказать, принимать самостоятельные решения. Вот эту инициативность ты оставь, как говорится, до дома. Ну ладно, ребята, еще по одной и за работу.

Джордан вовремя вспомнил о тель-авивском сувенире.

– Господа, позвольте мне тоже угостить вас. Расстегнув замок кейса, он извлек припасенную бутылку.

– О-о, кошерная, – ухмыльнулся хозяин кабинета, утирая

пот со лба большим клетчатым платком. – Молодец, Жора, уважил.

Выпили за российско-американское, как говорится, сотрудничество. Генерал прищурился:

– Ну, как еврейская?

– Да ничего, товарищ генерал, – отозвался Валерий. – Но наша лучше.

– Это точно! «Столичная» есть «Столичная». Ты, Георгий, это, не обижайся. А чего, ты ж тоже русский, пускай наполовину! – Генерал стряхнул пепел в черную базальтовую пепельницу.

Джордан почти увидел, как ему подмигивает его босс Рой Хантер. Тем временем на столе откуда-то появилась «Столичная», и началась сравнительная дегустация. После пары рюмок Джордана толкнули ногой под столом. Он поднял глаза на Валерия. Тот едва заметно кивнул в сторону двери. Джордан поднялся.

– Господин генерал... – начал он. После непривычной с утра дозы алкоголя его акцент стал еще заметнее.

– Да, ребята, – прервал его генерал. – Делу время, как говорится...

– А потехе час, – нестройно ответила троица, поднимаясь с кресел. В приемной Валерий облегченно выдохнул.

– Ну, Жора, молоток! Понравился ты бате, значит, дело будет.

Игорь, поотстав, любезничал с генеральской секретаршей,

а Валерий уже открыл дверь в коридор, когда Джордан резко остановился.

– Shit! Я забыл мой ноутбук.

Молодцевато повернувшись на каблуках, он зашагал назад, к генеральскому кабинету. Его спутники застыли, растерянно глядя ему вслед. Оглянувшись с виноватой улыбкой Джордану показалось, что лицо Валеры как-то странно изменилось, будто с него, неожиданно для хозяина, вдруг слетела маска. Черты его стали остро-напряженными, а глаза стальными и какими-то пустыми. Секретарша, точившая карандаш, встрепенулась испуганной птицей, но было поздно. Из всех сил стараясь ступать ровно, Джордан приоткрыл дверь и на цыпочках двинулся к своему кейсу. Хозяин кабинета стоял лицом к окну с прижатым к уху телефоном. Когда Джордан так же бесшумно крался со своей добычей назад, вдруг раздался голос генерала. Джордан вздрогнул и замер на месте.

– Альберт Афанасьевич, по концепции как раз возражений нет. – Васильев говорил мягко, но очень уверенно. А также совершенно трезво и без всяких просторечий. – Однако релевантность ваших корреляционных моделей, вы уж извините, пока вызывает у нас сомнение. И еще – я убедительно прошу – привлеките все-таки к работе нейролингвистов!

Джордан поперхнулся и торопливо вывалился в приемную.

До «Метрополя» они дошли пешком. Пошептав что-то на ухо монументальной лилововолосой даме-администратору, отчего та покрылась густым румянцем и захихикала, Игорек проводил Джордана в номер на третьем этаже. Просторная комната была обставлена изысканной старой мебелью. Обитые гобеленом кресла с изогнутыми ножками, картины на стенах и огромная деревянная кровать создавали интерьер богатого московского дома начала прошлого века. Может быть, в таких комнатах прошло детство его деда. Тяжелые золотистые портьеры приоткрывали вид на Театральный проезд, заполненный дорогими автомобилями. Джордан обычно останавливался в отелях попроще, но здесь все решали гостеприимные хозяева.

– Ну что, пока располагайся, отдыхай тут, – сказал Игорь. – После пяти мы у тебя и едем на встречу со специалистом по этим группировкам.

Приняв душ и переодевшись, Джордан достал ноутбук. Пока грузилась система, он продумывал содержание первого московского отчета. Голова работала плохо. Джордан включил телевизор. В новостях рассказывали о деле банды язычников, убивших в Москве несколько десятков кавказцев и азиатов. С виду язычники ничем не отличались от обычных людей – коротко стриженные крепкие молодые парни,

правда, без печати интеллекта в глазах. По делу проходила и девушка-студентка. Худенькая брюнетка, равнодушно смотревшая в объектив камеры, никак не походила на безжалостного убийцу, но, похоже, внешность обманывала.

Джордан достал из карманов визитные карточки своих новых знакомых, разложил их на столе и начал переписывать данные в память компьютера. Последней оказалась карточка с надписью «О. Димитрий Силин». Взяв ее со стола, Джордан задумался. До пяти было еще далеко, а сидеть в отеле он считал пустой тратой времени. Войдя в ванную, он открыл кран над раковиной и набрал номер на мобильнике.

– Слушаю вас, – раздался приятный высокий мужской голос. В этих двух простых словах было столько тепла и внимания, что сразу становилось понятно: вас действительно слушают. Джордан представился, сославшись на профессора Крамера.

– Помню, помню, – живо отозвался собеседник. – Что ж, приходите, с Божьей помощью пособлю, чем смогу. Живу я неподалеку от храма, там спросите, вам всякий покажет.

Оставив у вежливого портье ключ от номера, Джордан вышел на улицу. В сущности, только сейчас он ощутил себя в Москве, такой знакомой по детским впечатлениям, рассказам деда, фильмам и книгам. И совсем другой – с непроницаемыми лицами куда-то спешащих мужчин и женщин, беспорядочно запаркованными машинами, огромными рекламными щитами, толпами разноязыких туристов. Над всем

этим возвышалась монолитная громада Лубянки, которую он только что покинул. Теперь, когда он побывал там, здание уже не казалось ему мрачным; скорее, это была подчеркнутая строгость, вызывавшая невольное уважение.

Джордан немного прошелся по улицам. Всегда, приезжая в город, в котором он не был никогда или был очень давно, он стремился вдохнуть тамошний воздух, ощутить запахи, послушать звуки улиц. Это помогало ему лучше понять людей, живущих здесь, постоянно дышащих этим воздухом, слышащим этот шум... Центр Москвы пах выхлопными газами, сигаретным дымом, дешевыми, дразнящими желудок ароматами фаст-фуда. К ним примешивался уже знакомый запах гари, становившийся все заметнее. Звуковой ряд пока тоже не радовал: резкие гудки автомобильных клаксонов, скрежет тормозов перед светофорами, громкая речь густо матерящихся подростков. Джордану приходилось слышать уличный мат на Брайтон Бич в Нью-Йорке, но здесь это, казалось, было нормальным языком для молодежи обоего пола. У Джордана вдруг заболела голова – генеральский тост за здоровье явно не сработал. Впитывая впечатления, он все же не забыл проверить, нет ли за ним наружного наблюдения. Он заглянул в пару магазинов, потом зашел в кафе, уселся за столик и начал листать меню, а затем, резко поднявшись, вышел на улицу. Слежки вроде бы не было.

Дойдя до стоянки такси, он назвал водителю адрес церкви Св. Варфоломея. По дороге таксист покрутил ручку ста-

ренькой магнитолы и нашел было станцию с хорошей джазовой музыкой, но, похоже, это не был его любимый жанр. После недолгих поисков он остановился на программе новостей. Рассказывали, как премьер-министр надевал на белого медведя ошейник с какими-то датчиками. Потом собравшиеся в студии, которых представили магами и оккультистами, витиевато рассуждали о символическом значении этого события для России как страны медведя.

Доехали минут за тридцать, но это была уже совсем другая Москва. Здесь не бродили туристы с огромными фотокамерами, не сверкали полировкой роскошные лимузины и витрины парфюмерных фирм. Панельные жилые дома, дворы, заросшие сорной травой, грязноватые тротуары. Попадавшиеся навстречу люди тоже выглядели проще, чем в центре. Неподалеку шел ремонт дороги. Рабочие в оранжевых касках укладывали дымящийся асфальт, кругом высились горы песка и щебня. Здесь еще больше першило горло, как будто вокруг все было окутано невидимым, но едким дымом.

Вдруг рядом, взвизгнув тормозами, резко остановился фургончик с милицейской раскраской. Из машины неторопливо вылезли два бравых парня в помятой серой форме и вразвалочку направились к Джордану. Он уже начал припоминать, в каком кармане у него документы, но оказалось, что милицию интересует вовсе не он. К пешеходному переходу нетвердой походкой приближался лысоватый мужчина лет пятидесяти с пакетом, из которого торчала гроздь бананов.

Скороговоркой представившись, один из милиционеров потребовал у прохожего документы. Не дослушав объяснения о том, что документы дома, куда гражданин и направляется, менты затолкали слабо сопротивлявшегося пленного в зарешеченный отсек машины, где уже сидело несколько жертв, и, проскочив светофор на красный, двинулись дальше по своему охотничьему маршруту.

Церковь стояла в глубине небольшого подворья, окруженного железной оградой. К церковному крыльцу вела аллея из молодых березок, а вдоль ограды рос густой кустарник. Позади подворья, совсем рядом блестела голубым неширокая речушка, перелесок за ней застилала сизая дымка. Видно было, что храм совсем новый. Он был построен из ровных круглых бревен и, если бы не колокольня, напоминал просторный деревенский дом. Купол колокольни был необычной формы – не круглый, луковичный, а больше похожий на крышу восточной пагоды. Уже верх его высокого шпиля заканчивался маленьким скруглением, на котором возвышался крест.

У церковных ворот сидело несколько старушек нищенского вида. Подав им, Джордан спросил, где живет батюшка. Бабушки наперебой, прерывая друг друга, начали объяснять дорогу. Одна даже поднялась и, ковыляя, прошла с Джорданом до перекрестка, чтобы показать дом. Идти было недалеко. Батюшка занимал второй этаж старого двухэтажного особняка, каким-то чудом сохранившегося среди высочен-

ных советских коробок. Стены дома были покрыты трещинами и грибком, штукатурка осыпалась. С усилием оттянув мощную пружину, Джордан открыл массивную покоробленную дверь и поднялся вверх по деревянной лестнице, скрипевшей и, казалось, прогибавшейся при каждом его шаге. В ноздри ударила непривычная смесь запахов сырости, подгнившего дерева и масляной краски. За многие десятилетия ступени кое-где стерлись почти наполовину. Не успел Джордан позвонить в заляпанный краской звонок, как дверь открылась, выпуская двоих: широкоплечего невысокого юношу серьезного вида со стопкой книг под мышкой и молоденькую девушку в белом кружевном платочке. Девушка внимательно посмотрела на Джордана большими голубыми глазами, но тут же, опустив взгляд, прошла мимо вслед за своим спутником. В дверях стояла миловидная полная женщина с грудным ребенком на руках. На ней был плотно запахнутый байковый халат, на голове цветной платок.

– Вы к батюшке? Проходите, – с улыбкой сказала женщина. – Отец Димитрий! К тебе! – крикнула она, обернувшись.

– Кто там, матушка? – услышал Джордан голос, знакомый по телефонному разговору. Матушка не успела ответить, как из дальней комнаты появился сам священник. Он был, наверное, ровесником Джордана, среднего роста, с мягкими чертами округлого лица, в тонких очках. Волосы были собраны сзади в пучок, а длинная русая борода росла как будто только из подбородка, оставляя лицо открытым. Внешне

батюшка немного напоминал даосского монаха из старинных китайских легенд. Бывшая подруга Джордана, китаянка Лил, в свое время любила читать ему эти легенды вслух. Внимательно приглядевшись к гостю, священник улыбнулся, как улыбается ребенок при неожиданной встрече с кем-то из близких. В его лице, действительно, было что-то детское, может быть, широко раскрытые глаза, в которых светилась искренняя вера в доброту и справедливость Господнего мира.

– А, это, наверное, вы мне звонили. Господин Славский, правильно?

– Можно просто Джордан, святой отец.

– Ну, идемте ко мне, побеседуем. Матушка, ты бы чайку нам принесла, а?

Джордан оказался в просторной, очень чистой комнате с большим окном и высоким потолком, украшенным бурыми потеками. Крыша в доме, видимо, тоже была не в лучшем состоянии. Все стены были уставлены шкафами с книгами. В красном углу висела икона Спаса, и Джордан, входя, перекрестился. Это не ускользнуло от внимания священника.

– Так вы, родной мой, православный? Это хорошо! Вы о себе немного расскажите, любопытные судьбы у русских за границей.

– Дело в том, святой отец, что я русский по отцу, – начал Джордан, но священник перебил его.

– Знаете, не люблю я этого – «святой отец»! Святость, она

саном не дается, за нее послужить, да пострадать надо. Вы уж зовите меня или «отец Димитрий», или, как у нас принято, «батюшка».

Они уселись за старым круглым столом, который, видимо, служил хозяину и письменным, и обеденным. Солнечный свет пробивался сквозь колеблемые ветерком листья высокой березы, выросшей прямо за окном, и на белой скатерти постоянно менялись местами темные и светлые пятна, будто какие-то две силы бесшумно сражались за это пространство, но никак не могли победить друг друга и были обречены на вечное противостояние.

– Хорошо, отец Димитрий. Так вот, русские дед мой и бабушка были истинно верующими, а отец не слишком. Мама – коренная американка, из католической семьи, ирландской. Но получилось, что меня по преимуществу воспитывал дедушка, так я и склонился к православию, родители же насколько не возражали. В храме мне, правда, доводится бывать редко, по большим праздникам, но Библию читаю по-русски.

– У вас и речь какая-то уже непривычная для нашего уха, хорошая русская речь, хоть и с акцентом, – похвалил батюшка.

Дверь в комнату открылась, и матушка внесла поднос с чайником, чашками и блюдечками.

– Угощайтесь, – опять улыбнулась она гостю, подвигая поближе стоявшую на столе вазу с баранками.

– Матушка Ирина у меня золото, – чуть склонив набок голову, нараспев произнес отец Димитрий с немного озорной улыбкой. – Весь дом на ней держится.

– Ну что ты, батюшка, даже неудобно, – засмушалась та и поспешила к выходу.

– Так что же вас привело сюда, родной мой? – решил перейти к делу священник.

Джордан достал из сумки ноутбук.

– Вы, батюшка, читаете по-английски? Священник кивнул.

– Это записи молодого человека. Его кто-то обучал в России, какая-то секта, потом он приехал в Америку и пытался устроить серьезный теракт. Его нет в живых, но я надеюсь, что вы сможете помочь мне выйти на след этой секты.

Отец Димитрий, будто что-то взвешивая, взглянул на Джордана, потом на экран. Наконец, ни говоря ни слова, он придвинул компьютер к себе и погрузился в чтение. Он читал, шевеля губами, иногда останавливаясь и поднимая глаза на Джордана.

– Если что-то непонятно, я помогу перевести, – предложил тот.

– Нет-нет. Просто я думаю, поймете ли вы...

Он замолчал и продолжил читать. Наконец, он отодвинул компьютер в сторону и долго сидел молча. Джордан ждал.

– Скажите, а ваше... э-э... руководство или московские коллеги знают о нашей встрече? – наконец спросил отец Ди-

митрий.

– Пока нет, но мне придется доложить об этом. А почему вы спрашиваете?

– Дело в том, что эти структуры, как бы сказать помягче, ну, в общем, не принимают мои идеи всерьез и навряд ли прислушаются к моему мнению.

Джордан понимающе кивнул.

– Видите ли, я свободен в выборе источников информации, и на своем уровне буду действовать так, как считаю нужным. А что потом решат вышестоящие – это их дело.

– Что ж, хорошо, – священник снял свои очки в проводочной оправе и начал протирать их краем скатерти. – Вы слышали о хилиазме? – вопрос прозвучал буднично, словно речь шла о последних новостях по телевизору.

– Ну-у, ... Я в свое время закончил исторический факультет, – неуверенно протянул Джордан. – Это какая-то древняя ересь?

– В том-то и дело, родной мой, что не совсем ересь и не совсем древняя, – теперь отец Димитрий заговорил быстрее, как будто боялся, что не успеет сказать всего, что должен. – В сущности, это учение о тысячелетнем царствии Христовом, которое должно наступить после конца света. Но вот какое это будет царствие и когда оно наступит – тут мнения, скажем так, разделились, – священник сделал большой глоток чаю. – В Писании говорится, что Христос, воскреснув, спустился в ад, вывел оттуда души праведников и заточил Са-

тану на тысячу лет. Правда, нечистый все же имел возможность влиять на людей. По прошествии этого срока Сатана получает полную свободу действий на короткое время, творит зло, искушает души, а затем Спаситель приходит вновь и отправляет дьявола в ад, наложив на выход оттуда печать. Тогда-то и наступает это тысячелетнее царствие, праведники воскресают и правят на Земле вместе с Господом.

– То есть, наступает земной рай? – У Джордана вновь разболелась голова.

– Не спешите, родной мой. Далее силы зла во главе с Антихристом поднимают мятеж, к ним присоединяются могучие державы. Множество людей, поддавшись очарованию черной силы, вовлекаются в сатанинское движение. Происходит решительный бой, в котором дьявол и Антихрист терпят поражение и вместе со своими сторонниками гибнут в геенне огненной. Все это описано в «Апокалипсисе».

– И в чем же здесь ересь?

– В основном, богословы спорили о том, воскреснут ли праведники телесно или духовно. Сторонники телесного оживления утверждали, что воскресшие будут наслаждаться всеми плотскими радостями жизни, неумеренно предаваясь излишествам. Это и объявили ересью. Только для нас сейчас важно не это...

Джордан, приложив руку к виску, нетерпеливо заерзал в продавленном кресле.

– Извините, отец Димитрий, но я нисколько не понимаю,

почему все это для нас важно. Это всего лишь какие-то несколько строк из древних книг, а мы столкнулись с реальными силами зла, убивающими людей сегодня. Вы можете дать мне какой-нибудь ключ к задаче, которую я пытаюсь решить?

– Ключ? – Священник несколько секунд пристально смотрел Джордану в глаза, затем взгляд его слегка раскосых глаз смягчился. – Родной мой, вы попали прямо в точку. Ключ... Потерпите, сейчас вы поймете. Скажите мне, почему ваш террорист сегодня пишет в своей тетрадке те же самые строки из древних книг? Почему он готов отдать жизнь, лишь бы не исполнилось какое-то древнее предсказание? Я ведь не первый день работаю против этих сил зла. Они появились не сегодня и не вчера. Они вербуют сторонников среди христиан и мусульман, среди иудеев и атеистов. Я борюсь за каждую потерянную душу. Поверьте, это очень опасная работа, мне угрожают... Не подумайте, я не боюсь. Что может быть лучше для христианина, чем пострадать за веру свою? Просто я не знаю, сколько дней мне еще отпущено, поэтому и хочу донести до вас то, о чем много размышлял.

– Я слушаю вас, батюшка.

Тут в комнату влетел мальчик лет семи, тоже в круглых очках. Он был очень похож на отца Димитрия, только коротко пострижен. В руке у него была пластилиновая фигурка.

– Батюшка, батюшка, – затараторил он, – смотрите, что мы лепили сегодня в школе.

Увидев, что отец не один, мальчик смутился и попятился назад из комнаты. Священник легко поднялся из кресла и прижал сына к груди.

– Это мой старший, Мишенька. Покажи сынок, что это у тебя?

Мальчик протянул руку с фигуркой. Это был воин в шлеме, с мечом и щитом в руках.

– Нам Денис Иванович по истории России рассказывал про Куликовскую битву, а мы потом лепили...

В комнату, улыбаясь, вошла матушка.

– Что же ты, Мишенька, мешаешь батюшке, пойдем, пойдем.

Мать с сыном вышли. На пороге Миша обернулся. На его лице была такая же, как у отца, обезоруживающая улыбка.

– Итак, ключ... Отец Димитрий вновь уселся в кресло и взял баранку из вазочки. – Вернемся к пророчеству о втором пришествии. Оно должно было произойти через тысячу лет, но... не произошло. А может быть, этот срок еще не наступил? Весь вопрос в сроках. – В глазах священника загорелся какой-то странный огонек, он заговорил еще быстрее. – Когда именно должен был наступить момент пришествия Спасителя? Почему оно не состоялось? Какие силы этому препятствовали и как эти силы действовали дальше? Кому-то было нужно, чтобы тысячу лет в мире правил дьявол. Я бы назвал этих людей черными хилиастами. Думаю, если мы с вами ответим на эти вопросы, мы придем и к вашему ключу.

чу. – Священник с хрустом сломал баранку сильными пальцами.

– Что ж, давайте попробуем. – Джордан взглянул на часы. – Просто после пяти у меня встреча с консультантом. Но ведь мы сможем продолжить в другой день?

– Непременно. А с консультантами, родной мой, вы поосторожнее. В Москве ведь можно встретить разных консультантов. У вас встреча-то часом не на Патриарших прудах?

– Простите... – Джордан не понял вопроса.

– Ничего, ничего, – одними глазами улыбнулся священник, снова становясь похожим на большого ребенка, – это я так, к слову. Сейчас просто суть. В момент выполнения своей миссии Христу было 33 года. То есть шел 34-й год. Значит, по мнению хилиастов, Сатана выходит из заточения в 1034-м году.

– На короткое время?

– Вот именно. У вас все же есть способность ухватывать самое важное. Что это за короткое время? В Писании говорится, что апостолы спрашивали у Христа о сроках. Он же ответил... – Отец Димитрий поправил очки и раскрыл ветхую книжицу, полную закладок. Вот: – «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти». – И еще: – «О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец».

– Но если даже Иисус не знал сроков, то как их узнаем мы?

– Спаситель сказал так потому, что как человек он не мог знать замысла Бога, но как Бог он, конечно, их знал. Мы же живем после этих событий и можем сопоставить факты. В пророчестве Даниила, это в Ветхом Завете, говорится о сроке господства Сатаны в три с половиной года. Получается 1037-й год. Я думаю, это ключевая дата. Запомните ее. Выясните, какой цепочкой связан 1037 год с проблемами дня нынешнего.

Джордану все сильнее казалось, что он зря теряет время.

– Вы всерьез полагаете, что анализ событий тысячелетней давности по всему миру поможет нам раскрыть планы террористов?

– Может быть. Но не обязательно по всему миру. Вы же видели Золотые ворота в Иерусалиме? Пройдя через них, Христос исполнил пророчество, согласно которому Спаситель войдет в священный город через эти ворота, ведущие к храму. Потом их разрушили. Но император Византии, воздвиг их вновь в Константинополе, священном городе с великим храмом Софии, божественной мудрости. Идите по этому пути, и вы найдете, что ищете.

– Возможно, вы и правы. И все-таки, я не уловил связи между воззрениями этих, как вы их называете, хилиастов, и террористическим вызовом в наши дни.

– Не уловили? Неужели я в вас ошибся, родной мой? Вы просто не хотите увидеть очевидное! Исполнив свою миссию, Христос наполнил мир любовью! Это первая религия,

где Бог не только карает или награждает смертных, а любит их! И приказывает им любить друг друга. – На лбу священника появились капли пота, его глаза сверкали. – Как же черные силы могли не принять это учение в штыки? По их мнению, мир должен быть основан на страхе и подчинении. А учение Христа – это путь к любви и свободе. И если первое тысячелетие было эрой распространения святого учения, то второе, когда дьявол так и не был скован в своем узилище, это второе тысячелетие стало эрой власти Сатаны! Вспомните взявшиеся как бы ниоткуда орды монголов. Они не просто вели войну за мировое господство своей страны. У них и страны-то не было! Они везли ее с собой, приторочив к седлам. Чингисхан вел войну против цивилизации, основанной на религии, науке, просвещении. Все это было ему ненавистно. Поэтому он стирал с лица земли самые развитые города, убивая всех, кто там жил.

– Но я помню из истории, что монголы были толерантны к религии покоренных народов и не старались перевести их в свою веру, – заметил Джордан.

– В том-то и сила Сатаны! – повысил голос его собеседник. – Ему не важно, кто перед ним – буддисты, зороастрийцы, манихеи или православные. Его религия – это дисциплина, построенная на страхе, когда за провинность одного воина казнят каждого десятого из его сотни. Чингисхан, а за ним и Гитлер и другие – они обращались не к убеждениям отдельного человека, а к коллективному бессознательному.

Вы читали Юнга?

Не дожидаясь ответа, священник продолжал, все ускоряя речь:

– Вот это коллективное бессознательное – это и есть Сатана в нас. Вы думаете, в злодеянии 11 сентября у вас в Америке повинны мусульмане? Не-ет, родной мой! Просто зло творилось их руками, потому что их легче заставить его творить – они научены подчинению, они беспрекословно верят авторитету. Вот им и отведена такая роль. А здесь дьявол пользуется услугами фашистов, скинхедов, большевиков. Здесь над Кремлем до сих пор горят сатанинские звезды! Не зря под конец второго тысячелетия великие народы как будто обезумели и начали развязывать мировые войны, создавать безбожные государства!

Отец Димитрий повысил голос почти до крика. Дверь приоткрылась, и в ней показалось встревоженное лицо материшки Ирины, но, встретив обращенный куда-то вдаль невидящий взгляд мужа, она испуганно отшатнулась.

– Это все одна большая сеть, и она накрывает нас, – продолжал священник, потрясая рукой с вытянутым вверх указательным пальцем. – Я пишу об этом в своих книжках, но их мало кто читает. Молодежь – та понимает. Но ведь с ними осторожнее надо, горячие очень. Вот что... – он сделал паузу, размышляя о чем-то. – Обо всем, что меня тревожит, не расскажешь так, сходу. Да и вам, я вижу, нелегко это слушать. Возьмите мои записки, почитайте на досуге. – Священ-

ник поднялся с кресла и достал из книжного шкафа увесистую картонную папку с завязками. На папке не было никакой подписи, только одно слово, напечатанное в типографии: «Дело». – Вы же историк и человек, я вижу, чистый. Попробуйте проследить эту цепочку от дня нынешнего в прошлое, сумеете понять, как они действовали тысячу лет назад, и вы поймете, что нам грозит сейчас. Может быть...

Глаза отца Димитрия вдруг погасли, будто у него иссякли силы.

Джордан поднялся. Он чувствовал себя так, будто прикоснулся то ли к великим истинам, о которых раньше не имел понятия, то ли к банальному сумасшествию.

– Почему вы всех называете «родной мой»? – уже в дверях у него вдруг вырвался вопрос, который он вроде бы и не собирался задавать.

– А как же, а как же? – снова оживившись, всплеснул руками священник. – Все мы братья и сестры во Христе, а значит, родные.

– А если человек не христианин, как вы к нему обращаетесь?

– Точно так же. Он тоже мне брат, только незрячий, а моя задача – открыть ему глаза на истинное учение, хочет он этого или нет. Лишь того, кто сознательно служит врагу человечества, того я не назову себе родным... – голос отца Димитрия стал совсем тихим. – И вот еще что. Думаю, я смогу узнать, кто погубил душу этого юноши. Я проверю и позво-

ню вам. Что-то мне подсказывает, что вам предстоит трудный путь к истине. Давайте попробуем пройти его вместе, хотя бы часть, хотя бы часть...

* * *

Вернувшись в «Метрополь», Джордан увидел в вестибюле Игоря, сидевшего в кресле с какой-то разноцветной газеткой в руках.

– Где пропадаем? – взглянул тот с комической строгостью на американца. – Была ж команда отдыхать.

– Прогулялся немного по улицам, а то что-то голова разболелась, – не задумываясь, ответил Джордан.

– Ну, головной болью мы тебя обеспечим под завязку! Да шучу, шучу. Давай, собирайся, а то Валера уже нас ждет в университете.

– В университете?

– Ну да. Консультант твой там работает.

Через десять минут они уже ехали к Воробьевым горам. Поболтав о том, о сем, Игорь вдруг спросил:

– Слушай, у тебя нос какой-то боксерский. Спортом занимался или на службе угораздило?

Джордан улыбнулся.

– В мою бытность в университете я состоял в команде штата Нью-Джерси в велтервейт... как это?... В полусреднем. Ты что, не читал мое досье? Там же написано.

– Правда? – Игорь даже покраснел. – Забыл, значит. Точно, потом еще ты в армию пошел, да? У тебя же награды военные.

– Да, тоже был в Афганистане. Но ничего похожего на твои приключения со мной не происходило. Обычная рутина.

– Конечно, – протянул Игорек, – рутина. За рутину у вас такие медальки не вешают. Слушай, а правда, в ваш спецназ так жестко отбирают? По здоровью, там, по психологии?

– Достаточно строгие требования, – подтвердил Джордан. – У меня оказалось два лишних зуба, и чуть было не отсеяли. А что, ты хочешь послужить Америке? Могу составить протекцию.

Игорь посмеялся от души. Вскоре они подъехали к университету. Сдав подопечного сидевшему на лавочке у входа Валерию, Игорь удалился.

– Сейчас она выйдет, – Валерий посмотрел на часы. – Семинар уже закончился.

– Она? – удивился Джордан. – Вы не говорили, что это женщина.

– Мы и не говорили, что это мужчина, – ухмыльнулся тот в ответ. – Женщина, да еще какая! Смотри, западешь на нее, помучаешься.

Из дверей корпуса повалили студенты. Джордан с интересом смотрел на них, невольно сравнивая с американскими сверстниками. Отличие было лишь в меньшем числе чер-

нокожих, да еще здесь не было такого количества ребят и девушек с лишним весом. Выходившие оживленно переговаривались, смеялись, прощались целуясь. Кто-то уезжал на машине или скутере, большинство направлялось в сторону метро.

Неподалеку расположилась группа парней на больших мотоциклах. Одетые в черную кожу, кто с длинными волосами, кто с бритой головой, они привлекали взгляды девушек, которые, перешептываясь и посмеиваясь, посматривали на них. Но ребята, видимо, кого-то ждали и не обращали на девочек внимания.

Что-то блеснуло на солнце так, что Джордан на секунду зажмурился. Обернувшись, он увидел на крыльце университетского корпуса худенькую девушку лет двадцати пяти-двадцати семи в черной футболке, джинсах и кедах. У нее было очень красивое, немного недовольное лицо, слегка вьющиеся багрово-красные волосы, косо состриженные на одну сторону, и массивные серьги. Надетые на левую руку широкие, чуть ли не до локтя, металлические браслеты сверкали на солнце при каждом движении, как вспышка фотоаппарата. Джордан был уверен, что никогда раньше ее не видел, но, тем не менее, в ней было что-то странно знакомое. Нервно вздернув руку с сигаретой вверх, девушка энергично жестикулировала, о чем-то споря с женщиной лет пятидесяти типично профессорской внешности – строгий серый костюм, аккуратно зачесанные назад волосы, большие очки.

– Уже ослепила? – хохотнул Валерий. – Я ж тебе говорил. Вот это и есть наш консультант.

Он помахал рукой, привлекая внимание девушки. Та, заметив его, кивнула головой, но продолжила разговор. Вторая женщина, которую Джордан назвал про себя «ученой дамой», тоже посмотрела на них. Ее холодный взгляд нельзя было назвать безразличным – в нем была какая-то отстраненная заинтересованность сродни той, с которой хозяйка рассматривает на рынке мясо, выбирая кусок к обеду.

Наконец спорщицы расстались, неожиданно тепло обнявшись на прощанье, и девушка с красными волосами направилась, было, к мужчинам, но тут ее окликнул один из мотоциклистов. Девушка развела руками, как бы извиняясь, и подошла к байкерам. Ситуация повторилась, только вместо «ученой дамы» оппонентом теперь выступил пузатый бритоголовый верзила с бородой, обладатель крутого «Харлея».

– У нее разнообразные знакомства, – заметил Джордан, не сводя с девушки глаз.

– Придется подождать, – хмыкнул Валерий. – Кадр очень ценный. Только предупреждаю: речь у нее своеобразная. Тебя, наверное, такому русскому языку не учили.

Искоса поглядывая на девушку, Джордан впервые за много дней вдруг подумал о Лил, и под сердцем опять заныло, как при воспоминании о безвозвратной потере. Та, с которой ему предстояло познакомиться, не была похожа на его бывшую подругу, но в ней была такая же свобода и раско-

ванность, сквозившая в каждом жесте, повороте головы, в ироничной улыбке, то и дело трогавшей ее красивые, будто нарисованные, губы.

Еще через пару минут парни в коже и заклепках киношно запрыгнули на свои байки и умчались, оставляя за собой клубы вонючего дыма. Девушка подошла к поднявшимся со скамьи молодым людям и довольно формально извинилась за задержку.

– Позвольте вас представить, – церемонно начал Валерий, но девушка перебила его, протянув Джордану руку.

– Вера Лунина, – без улыбки назвала она себя. Голос у нее был низкий, чуть хриловатый, как у многих курильщиков.

– Джордан Славски, – представился в ответ американец, пожимая протянутую руку. Пожатие Веры было по-мужски твердым.

– У вас интересная фамилия – польская, русская? – отрывисто спросила она без всяких интонаций, как автоответчик.

– Русская. Вообще-то, фамилия моего деда была Ярославский, но когда он перебрался из Европы в Штаты перед Второй Мировой, он решил, что для Америки это слишком сложно, и сократил ее.

– Ну, что, может быть, посидим где-нибудь и обсудим наши проблемы? – сделал вторую попытку завладеть инициативой Валерий.

– Да, здесь рядом есть кафе с отдельными как бы кабинетами, – согласилась девушка, – там нам будет удобно разго-

варивать.

Кафе представляло собой что-то вроде читального зала с музыкой и обеденными столиками. Джордан с любопытством оглядывался по сторонам. На полках вдоль стен стояли книги и журналы по искусству, причем было видно, что это не куплено в соседнем киоске, а собиралось долго и со знанием дела. В углу на столике стоял проигрыватель, на котором крутились виниловые пластинки с музыкой 60-х. Посетители брали книжку, просматривали и меняли диски, а заодно заказывали еду. Официантки тоже соответствовали заведению и скорее напоминали продавцов книжной лавки.

Разместившись втроем на мягком угловом диванчике за перегородкой и заказав сок, они приступили к переговорам.

– Сразу скажу, – с ходу начала Вера, – Валерий-то знает, и вам тоже следует знать: я не информатор и не агент. Все, что я смогу – это определить группу, в которую входил интересующий вас человек, если он вообще входил в какую-то группу. Согласится кто-то из них с вами встретиться – пообщаетесь на условиях анонимности, нет – значит, нет.

– Почему вы так уверены, что найдете эту группу? – Джордана немного раздражала самоуверенность новоприобретенной коллеги.

– У вас есть такие возможности, каких нет у ФСБ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.